

вновь начинает проявляться... Правда, и в XIV веке мы еще неоднократно встречаемся с литературными памятниками, у авторов которых политический горизонт замыкается феодальной околицей, однако политическую погоду все больше и больше начинают делать такие писатели, у которых на первом плане выступают общерусские интересы.

Ранние повести о гибели Михаила Ярославича представляют интерес и в другом отношении. Житие Михаила Всеволодовича Черниговского, первоначальные варианты которого составлены еще в XIII веке, изображают этого князя мучеником за веру. В повести об убийении Михаила Ярославича мы наблюдаем другую тенденцию. Автор оттеняет исключительно политическую сторону дела, нисколько не пытаясь приписать Михаилу Ярославичу каких-либо черт защитника православной веры. Автор некролога, помещенного в Тверском сборнике, считает даже нужным оговорить, что Михаил, хоть «и не веры ради убийень бысть...», якоже святии мученици, но по заповеди же спасове, иже в еуангелии рече: болше сеа заповеди любве несть, иже кто положит душу свою за други своя.¹ При этом автор некролога подчеркивает, что Михаил принял «блаженную страсть» «за многий род христианьский»,² т. е. опять-таки проводит ту же политическую линию, что и автор повести об убийении Михаила Ярославича.

Литературные памятники, повествующие о соперничестве между Михаилом Ярославичем Тверским и Юрием Даниловичем Московским, рисуют еще одну важную сторону русской политической жизни начала XIV века, нашедшую отражение в публицистике того времени. Имено в виду тот факт, что к началу XIV века Русь страхнула уже с себя оцепенение, вызванное ужасами татарского погрома. Она не трепещет уже, как прежде, от одного приказа хана и не склонна беспрекословно и слепо повиноваться ханской воле. Михаил Ярославич получил ярлык на великое княжение, но он ничего не может поделать ни с Москвой, ни с другими городами (Новгородом, Переяславлем, Костромой, Нижним-Новгородом), которые не желают ему подчиняться. С другой стороны, и Михаил Ярославич, потеряв ярлык на великое княжение, также не склонен беспрекословно подчиниться приказу видного ханского посла и с оружием в руках отстаивает свою вотчину от нового великого князя и от татар. Записи, отражающие пренебрежение и ненависть к татарам, попадают и на страницы официальных летописей. Если в XIII веке суздальские летописцы избегают резких выражений по адресу татар, то теперь авторы летописных и других литературных памятников именно в татарах видят основную причину неурядиц русской жизни. Тверской сборник и Рогожский летописец несчастия, случившиеся с Михаилом Ярославичем (и с Тверской землей), приписывают «началнику всего зла, незаконному и проклятому Кавгадию»,³ а автор большой повести об убийении Михаила Ярославича негодует по поводу «обычая поганых» сеять «вражду межи братьи князей русских», чтобы тем самым вымогать себе побольше даров и выгод, а землю Русскую отягощать великими тяготами.⁴

¹ ПСРЛ, XV, стлб. 413.

² ПСРЛ, XV, стлб. 413.

³ ПСРЛ, XV, стлб. 410.

⁴ ПСРЛ, VII, стр. 189. В первоначальном сказании об убийении Михаила Ярославича указывается, что «беззаконнии измаильтяне не сыти сущи мздоимства, его же желеху, вземше много сребра и даша великое княжение князю Юрию Даниловичю» (Рукоп. Троицкого собр. № 671, лл. 130 об.—131).